

10 Июль 2009

№ 037(2379)

Есть ли свет в конце тоннеля?

Тема экономических прогнозов сегодня – это занятие не то чтобы неблагоприятное, но во многом иррациональное и футуристическое. Пришедший извне минувшей осенью в страну кризис, причём в тот момент, когда мы, по уверению главы Минфина Алексея Кудрина, «на острове стабильности» блаженно шурились от слепящего нас блеска шальных нефтяных денег, до сих пор остаётся явлением слабо изученным и мало подверженным коррекции со стороны финансовых регуляторов. При этом зачастую из уст федеральных политиков и чиновников в качестве видений будущего мы слышим вещи диаметрально противоположные: от сдержанного пессимизма по Кудрину до позитивного – «ура, наконец-то перелом тенденций». Обсудить ситуацию – что же на самом деле происходит с нашей экономикой и каковы её шансы в кратко- и среднесрочной перспективе – в «Парламентской газете» 30 июня на «круглом столе» с весьма говорящим названием «Кризис: есть ли свет в конце тоннеля?» собрались парламентарии и известные эксперты. Организаторами мероприятия выступили Фонд исследования проблем демократии и наше издание при поддержке Комитета по делам Федерации и региональной политике Государственной Думы, Центра стратегических разработок и Института регионов.

Остров стабильности или остров невезения

Евсей Гурвич

член Экспертного совета РСПП

В кризис, по сравнению с другими странами, наша экономика показала уникально плохие результаты, если учесть, какие у нас были резервы, профициты. Реальны были и слова о том, что мы останемся «островом стабильности». Однако сказались наши фундаментальные слабости – негибкая сырьевая экономика со слабым финансовым сектором. Кроме этих застарелых болезней негативно повлияли и ошибки в экономической политике. Во-первых, мы форсировали рост в ущерб повышению качества экономики, в ущерб её реструктуризации. И шли вперёд, оставляя в тылу очень серьёзные проблемы: моногорода, допотопные предприятия и слабость банков. Инструментами форсирования роста были мягкая бюджетная и мягкая денежная политика. Мы накачали экономику деньгами, из-за этого она оказалась перегрета.

Где мы находимся сегодня и достигли ли мы дна? Ситуация очень неоднозначна. С одной стороны, если смотреть на статистику, благодаря росту цен на нефть начали расти реальные доходы, начался приток капитала, растут потребительский спрос и товарооборот. С другой стороны, объём инвестиций продолжает падать. В мае он упал на 3 процента по сравнению с апрелем. Полагаю, что в этом году будет около 6,5 процента спада.

Какие будут факторы восстановления производства? Понятно, что растёт внутренний спрос. Когда начнётся восстановление мировой экономики, то с некоторым опозданием увеличится спрос и на товары нашего экспорта. Что касается инвестиционного спроса, то здесь вряд ли можно рассчитывать на быстрое улучшение ситуации, поскольку у банков будут нарастать плохие кредиты.

Стоит вновь оценить итоги кризиса 1998 года. Распространено поверье, что тогда экономика поднялась благодаря девальвации рубля и импортозамещению. На самом деле многие эксперты сходятся во мнении, что не это было главным фактором. В роли его выступило снижение заработной платы, которая упала на 40 процентов. Её доля снизилась с 51 до 39 процентов ВВП радикально, значит, наша конкурентоспособность радикально повысилась. Сейчас мы хотим обойтись без этого. Если мы увеличиваем социальные расходы, то по законам экономики это работает на укрепление рубля. Это значит, что наша международная конкурентоспособность понижается. И остаётся вопрос: куда мы будем выходить? Кроме всех прочих плюсов и минусов Антикризисной программы Правительства можно ещё добавить, что всё-таки она была по большому счёту направлена на то, чтобы переждать период кризиса и вернуться опять туда же. Мне кажется, что это – бесперспективная стратегия, поскольку она исходит из того, что мы шли верной дорогой, а на самом деле это не так. Глобальный кризис — это головокружение от успехов глобализации, а у нас было головокружение от роста цен на нефть, и нам казалось, что это благодаря нашим властям, благодаря их правильной политике. Кризис показал, что это не так.

С чем связана надежда? Надежда связана с тем, что нам в кризис 1998 года поневоле пришлось оздоровить экономику, сократить дефицит бюджета, на 13 процентов ВВП сократить ненужные расходы. Сейчас нам тоже придётся перейти к жёсткой бюджетной политике.